

Лариса Барабанова

18+

Лёгкая

Роман

Лариса Барабанова

Лёгкая

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Барабанова Л.

Лёгкая / Л. Барабанова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-03475-4

Две женщины никогда не расскажут одну и ту же историю одинаково. У каждой своя правда. Она есть и у 32-летней Веры, которая потеряла ребёнка, узнав об измене жениха, и у 18-летней разлучницы Наташи, которая теперь сама ждёт малыша. Двум женщинам предстоит жизнь в одной квартире. Будет ли она лёгкой?

ISBN 978-5-532-03475-4

© Барабанова Л., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть I. Вера	5
Глава 1. Хуже татарина	5
Глава 2. Палата номер 20	7
Глава 3. Нелогичный фортель	9
Глава 4. Племянница	13
Глава 5. Не было бы счастья...	16
Глава 6. Рыжая. Просто рыжая	20
Глава 7. Как Новый год встретишь...	24
Глава 8. Не все коту Масленица...	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Часть I. Вера

Глава 1. Хуже татарина

Дырочка на чулке. На большом пальце правой ноги. Она не может не знать! Не может сидеть тут и не знать, что у неё на чулке дырка! Дыра! Хоть бы спрятала ногу под стол, что ли, так нет же – выставила на моё обозрение. Правую ногу (с дырищей!) закинула на левую и покачивает ей, а я взгляда оторвать не могу. Вот всегда я так: обращаю внимание на несущественные мелочи, а о главном забываю. А может, они очень даже существенные, эти мелочи. Как посмотреть...

Нет, надо поднять наконец-то глаза и посмотреть ей в лицо. В конце концов, мне-то нечего стыдиться. Это не я переспала с её будущим мужем за два дня до свадьбы! Но поднять глаза у меня получается только до чашки кофе, которую она только пригубила и поставила обратно на блюдечко. Бледно-розовый след от помады, еле-еле видный. Она не красится ярко, ей незачем – красавица! Я вот и не смотрю на её лицо, а помню, что оно прелестно, как у куколки. И абсолютно невинно, как у котенка. Она не наглая, хотя я её и заподозрила в этом сначала. Она *лёгкая*. Вот есть такие девушки и женщины даже – лёгкие. Им все дается как бы само собой – и красота, и грация, и приятный голос. Они не сидят на диетах и не потеют в спортзалах. Мужчины столбенеют, встретившись с ними, а женщины, которым повезло меньше, завидуют. Невозможно подделывать легкость, как невозможно слону стать бабочкой. И кажется, что нет у этих бабочек ни одной проблемы в жизни – знай летай с цветка на цветок и наслаждайся нектаром.

Но так случилось, что напротив меня сидит бабочка как раз-таки с проблемой. Иначе бы она сюда не прилетела. Бабочка молчит, и делает это так естественно, что мне остается только начать разговор самой:

– Давайте познакомимся для начала. Меня зовут Вера. Вы, может, и не знаете ещё. А Вас?

– Наташа, – улыбнулась девушка. И замолчала. И опять – как будто так и надо.

– Итак, Наташа, зачем Вы ко мне пожаловали? Знакомство наше было кратким и не слишком-то приятным, и я Вас снова увидеть совсем не ожидала, – я взвешиваю каждое слово и заставляю себя смотреть ей в глаза. Голубые и абсолютно невинные.

– Я беременна, – выдает Наташа и отпивает из чашки немного кофе. Заметив мой вопрошительный взгляд, добавляет: – Станислав Дмитриевич, видимо, сменил номер телефона, и я думала, что найду его самого здесь. Мне очень нужно с ним встретиться.

– Как видите, его здесь нет. Уже два месяца, собственно, нет, – отвечаю я и, хоть ты тресни, не могу с таким же спокойным видом, как она, пить кофе. И сидеть не могу. Пройдась по кухне из конца в конец несколько раз, заявляю: – Да и как вообще после того, что было, Вы осмелились прийти сюда?! Вы со Станиславом Дмитриевичем разрушили мою жизнь, разнесли её к чертям...

Она смотрит на меня с сочувствием, но и сейчас я не вижу на её лице вины. То самое выражение... Наверное, я его вовек не забуду: абсолютно голая, даже не пытающаяся прикрыться, она сидит на моей кровати и смотрит на меня честными глазами, а я понимаю, что она не боится, не стыдится – ей просто немного жалко стоящую перед ней женщину, вынужденную устраивать скандал. И вот странно: Стаса я в тот момент хотела бы закопать в землю живьем, а к ней у меня не было ненависти, даже злости. Для неё это было игрой, инсценировкой пошлого анекдота, а мне стоило слишком дорого.

Сочувствие! Все мне тогда сочувствовали: врачи скорой помощи, отвозившие меня, истекающую кровью, в больницу, дежурный гинеколог, молоденькие медсестрички... Хотя нет, не

все: нас было четверо с выкидышами в палате номер 20, и уж там меня никто не жалел – у всех была своя боль.

Глава 2. Палата номер 20

Я тяжело отходила от наркоза – мне не хотелось возвращаться. Что мне было делать в реальности, где любимый мужчина мне изменил, а малыш, которого я три месяца носила под сердцем, не захотел жить? Под наркозом мне, казалось, открылись какие-то истины, стало ясно всё целиком, я постигла Вселенную. Однако пришлось возвращаться в реальность, где было больно и непонятно.

– Как Вы себя чувствуете? – услышала я откуда-то издали и открыла глаза. Но всё расплылось, и я снова унеслась в небытие. Потом оказалось, что в палату приходил Борис Аркадьевич – лучший гинеколог в отделении, по счастливой случайности дежуривший в тот вечер. Он меня и «чистил». Какое это все-таки противное слово – «чистка»!

Попозже, когда я почти совсем оклемалась, к моей кровати подошла девочка лет 17–18 и спросила, не надо ли мне чего. Так началось моё знакомство с палатой номер 20. Девочка, которой оказалось действительно 18, тоже лежала здесь с выкидышем. Юля (так её звали) рассказала мне свою историю на следующий день, пока мы ждали обхода.

Она встречалась с мальчиком чуть старше, и была это такая любовь, что им нестерпимо захотелось пожениться – не по залету, нет, а действительно по любви. Юле ещё не было 18 лет, и для регистрации в ЗАГСе была куплена справка о беременности. Родители с той и с другой стороны против свадьбы не возражали, всё подготовили, не пожалели денег, даже платье для Юли приобрели дорогое, в лучшем салоне. И вот накануне свадьбы Юля приходит к своему жениху, а там – как у меня, в общем. И юный жених, не стесняясь присутствия обнажённой любовницы, ещё спрашивает у невесты: «А ты что здесь делаешь?» Свадьбу родители предлагали всё-таки сыграть (кафе оплачено, машины заказаны, платье опять-таки куплено), но Юля отказалась – не сочла возможным простить. А через месяц-другой простила и... забеременела, не будучи уже помолвленной и даже не встречаясь официально со своим бывшим женихом. Но от него. А он на этот раз не захотел жениться. Вот такая вот «Санта-Барбара». А девочка Юля познакомилась с другим мальчиком, и он как раз предложил ей пожениться (благо 18 лет ей уже стукнуло к тому моменту), несмотря на беременность от непонятно (для него) кого. А она всё отказывалась. В это время сердечко у не родившегося пока малыша перестало биться, а Юля не знала об этом и не ходила к врачу, потому что казалось – ещё успеется до родов. Только когда ручьем потекла кровь, девочка побежала в консультацию, где её долго не принимали без полиса, а потом её – уже из дома – увезла скорая. Оказалось, Юля носила мёртвого ребёнка две недели. Счастье ещё, что сама жива осталась.

Я, слушая её рассказ, верила и не верила. Да как всё это может быть? Но в тот же день к вечеру, в часы посещений, пришел тот самый второй мальчик и, опустившись у Юлиной кровати на колени, плакал и уговаривал её выйти за него замуж. Мы его не стесняли – для мальчика существовала только его девочка. Ромео и Джульетта, вам такое и не снилось.

Лежать в больнице – сомнительное удовольствие. Развлечений не так много – книжки и игры на смартфоне приедаются быстро. Соцсети раздражают. И потому мы много говорили, и первая из тем касалась того, кто как здесь оказался.

Маргарита Тимофеевна, например, очутилась в палате номер 20 с шестым по счету выкидышем. Она здесь уже была своя, старая знакомая Бориса Аркадьевича. Мы звали её по имени-отчеству, хотя она и просила называть её Ритой. Как-то строго она выглядела, да уже и не молодо. Её сын (она упорно говорила «старший») заканчивал школу, а попытки завести ещё одного ребёнка оканчивались неудачами – все гибли на третьем-четвертом месяце. Может, дело было в том, что у Маргариты Тимофеевны был уже другой муж, а не отец «старшего». Но она упорно, год за годом, пыталась выносить и родить ребёнка от любимого мужчины. Это уже походило на манию.

Четвертой в палате была Света. Чуть старше Юли, она была полной её противоположностью. Крикливая, грубоватая и какая-то коровоподобная, 19-летняя девушка проводила время, названивая своему молодому мужу, пропадавшему непонятно где. Как мне рассказала Юля, попавшая в отделение в один день со Светой, сначала всё было по-другому: красавец муж, который невесть что нашёл в этой коровушке, приходил в палату аж по два раза на дню, с цветами и фруктами, слушал причитания своей благоверной и кивал через равные промежутки времени. А как же иначе – ведь Светочка (Светулечка, Светусик, Светынька) могла потерять его ребёнка. Она попала в больницу не с выкидышем, а с угрозой его, и была ещё надежда спасти маленькую жизнь. Муж уходил, а Света вставала (чего делать не рекомендовалось) и шла курить (вот уж этого делать совсем нельзя было) на другой этаж (лестница, ну разве можно?!). И через три-четыре дня, когда Борис Аркадьевич отправил Свету на УЗИ, оказалось, что спасти уже было некого. И теперь она лежала в палате номер 20 как все мы – с выкидышем. Её муж больше не приходил, извещённый о крахе своих надежд. Света теперь не могла до него позвонить, и всем стало ясно, что их развод не за горами. Брак по залёту (а тут имел место, по видимому, именно он) разваливался, и Света мрачнела на глазах, поминутно терзая смартфон.

Кто из моих соседок мог меня пожалеть? Разве что Юля, но ни ей, ни кому-либо другому я не говорила, почему потеряла ребёнка. В палату ко мне никто из друзей и родственников не приходил – я никому не сообщила, что в больнице. Просто позвонила своей лучшей подруге и несостоявшейся свидетельнице Дине и сказала, что свадьбы не будет, попросила всё уладить с кафе и гостями. Она всё сделала, не задавая вопросов – Дина невзлюбила Стаса с первого взгляда и просто решила, что я наконец-то одумалась. На работе все считали, что у меня обычный больничный. О моей беременности, кроме Стаса, никто не знал. И вот я проводила тоскливую осень в гинекологическом отделении, ожидая попеременно завтрака, обхода, обеда, тихого часа, полдника и ужина. Я часто говорила с соседками на отвлечённые темы, а ещё чаще просто слушала. Говорят, это у меня неплохо получается.

Через две недели после выкидыша меня полагалось выписать, но Борис Аркадьевич, озабоченный моим состоянием, не хотел меня отпускать из больницы, волновался, уговаривал долечиться... Мне светила перспектива больше никогда не забеременеть. «А мне больше и не надо», – сказала я, и доктор со вздохом подготовил меня к выписке. С больничным листом в сумке я вышла из гинекологического отделения и сразу же поехала в салон красоты – показаться в таком виде на работе было немыслимо. Наверное, странно это выглядело со стороны: потеряв ребёнка, я не плакала, не вопила, не жаловалась. Я сделала вид, что его просто не существовало. И Стаса – тоже. Дина по моей просьбе стерла все следы пребывания этого человека в моей квартире и сменила замки. Она думала, что я уехала куда-то, чтобы отвлечься, и, увидев Стаса в один из визитов на пороге моей квартиры, красноречиво пообещала убить, если он ко мне приблизится или будет мне звонить. И он исчез. А я спрятала боль поглубже и окунулась в работу с головой. И всё было хорошо, пока эта бабочка по имени Наташа не прилетела ко мне на огонек в морозный декабрьский вечер.

Глава 3. Нелогичный фортель

– Итак, Наталья, Станислава Дмитриевича здесь нет, к сожалению. Я не знаю, где он, и знать не хочу. Чем я могу Вам помочь? – произнесла я как можно спокойнее, не глядя на девушку. Лучше было смотреть в окно – там так красиво кружились снежинки. Их танец всегда меня завораживал.

– Мне негде жить. Хозяйка, у которой я квартиру снимаю, нашла в ванной мой тест на беременность с двумя полосками и сказала, чтобы я выметалась. Она ведь сдавала комнату не матери с младенцем, а одинокой студентке, – объяснила Наташа. Я даже обернулась и заставила себя на неё поглядеть, потому что всё это было сказано легко, без слез и даже с каким-то безразличием к собственной судьбе. Как будто всё само собой образуется. Но так ведь не бывает!

– И чего же Вы от меня хотите? – поинтересовалась я. Вдруг захотелось закурить, чего я в жизни ни разу не делала. Наверное, я начинала нервничать. Хотя с чего бы?

– Можно, я у Вас поживу? – так просто-просто спросила она меня. Не попросила даже, а именно – спросила. Я чуть не упала. Сказать, что я удивилась, было нельзя – я была ошарашена.

Мне нечего было ей ответить. А она совершенно естественно пила кофе и слегка покачивала ногой – той самой, с дыркой на чулке. И тут я вдруг подумала: «Она ведь, скорее всего, не знает, что я потеряла ребёнка. Наверное, даже о планировавшейся свадьбе Стас ей не сказал. Напелл чего-то бедной девочке (это он умеет), привел сюда, а тут в самый интересный момент такой сюрприз – какая-то женщина, скандал, крики... Сменился у него телефон! Ну конечно! Чёртов подлец!»

И как-то так получилось, что практически бессознательно я сказала, переходя почему-то на «ты»:

– Можно. Живи, конечно, раз больше негде. У тебя работа-то хоть есть?

Девушка не удивилась (она вообще на это способна, интересно?), но поблагодарила, приятно улыбнувшись, и рассказала, что работает официанткой в кафе и учится на втором курсе филфака. Я чуть было с ходу не предложила ей работу в информационном агентстве, где трудюсь сама, но вовремя остановилась: «Хорошего помаленьку, Вера!»

– Ну я пойду тогда? Завтра вернусь с вещами, – прошептала Наташа и упорхнула из моей квартиры. А я налила себе чашу зелёного чая (не переносу кофе, хотя и держу его дома для гостей) и задумалась о том, какая же я, собственно, дура.

Динка всегда мне говорила, что я странная особь: умная, начитанная, дисциплинированная... и способная в любую минуту выкинуть абсолютно нелогичный фортель. Что она сейчас сказала бы, я и думать побоялась – лучшая подруга никогда со мной не церемонилась (впрочем, как и я с ней) и всегда говорила мне в глаза правду. Именно она, когда все кругом были без ума от Стаса и поздравляли меня с такой находкой, заявила мне: «Альфонс прилизанный! Слала бы ты его куда подальше!»

Собственно, мои отношения со Стасом были просто очередным нелогичным фортелем. Начнем с того, что я полетела в Турцию абсолютно одна: собиралась отдохнуть с Динкой на пару, но та в последний момент попала в больницу с аппендицитом, а я не захотела отказываться от долгожданного отдыха. «Буду купаться в море и наслаждаться ол-инклюзивом. Не соскучусь», – сказала себе я. О курортном романе я и не думала – это же пошлость и авантюра, что мне абсолютно не свойственно!

Прилетев в Турцию, я известила о своем благополучном прибытии маму и Динку и отключила телефон. Только так я могла отдохнуть. Все знали, что я в отпуске, а значит – абонент не доступен для работы и сплетен. Передозировка информации и общения в привычной жизни так меня достала, что на отдыхе я по большей части молчала и вела полурастительную жизнь, даже если приезжала на курорт с подругой. Динка меня не осуждала и с удовольствием

разделяла моё молчание – благо мы практически всегда понимали друг друга без слов. Когда ей хотелось пообщаться, она знакомилась с кем-нибудь, болтала о том – о сем, а потом возвращалась ко мне – помолчать. Чемодан любимых книг на двоих, пляж и номер с кондиционером, когда солнце в зените, – всё, что было нам надо. Мужчины либо просто к нам не подходили (Динка умела убивать их взглядом ещё на подлёте), либо быстро ретировались, признаваясь тем самым в своей неспособности беседовать с дамами о Кафке (я сама его не очень люблю, это просто наш «отпугиватель»).

Не будучи особыми любительницами дискотек, мы предпочитали тихие отели, и на этот раз остановили свой выбор на Фетхие, а именно – на гостинице, на территории которой был настоящий лес. До пляжа было метров 700, но путь к морю не казался далеким благодаря тому, что пролегал он в тени деревьев. После жаркого солнца окунуться в лесную прохладу – что может быть лучше? Мы с Динкой не сомневались ни минуты, как только нам предложили этот отель. «Закон подлости», – заявила подруга, когда я переступила порог палаты в хирургии. Завтра надо было улетать, а Динка валялась на больничной койке с дыркой в животе. «Отдохни там за двоих!» – велела она. И «хорошая девочка Вера» принялась исполнять наказ «умирающей», едва сойдя с трапа самолета...

Отель, в названии которого фигурировало слово «Ботаника», действительно оказался сказочным местом. Встав пораньше (ещё до завтрака), я, поёживаясь, шла к морю, наслаждаясь густой зеленью деревьев и пытаюсь расслышать мерный шёпот волн. Заросли были абсолютно непролазными, и сходить с проторённой дороги не хотелось, но как живописно смотрелся нетронутый цивилизацией лес! А на дорожке можно было встретить крабов, которые выбирались из своих норок – наверное, чтобы меня поприветствовать. Но вот и берег моря, вот и неповторимые краски волн, вот и солёный ветерок... Я занимала какой-нибудь шезлонг и распластывалась на нем, чтобы просто посмотреть на прибой. Честно говоря, так рано не особо покупаешься – холодно. К числу моржей я никогда не относилась, поэтому ждала, пока вода немного нагреется. Так было каждое утро (я уже потеряла счет дням, если честно), но однажды моё прекрасное одиночество было нарушено. Я только-только пришла и легла на шезлонг, наслаждаясь покоем, и вдруг услышала: «Good morning!» По пляжу шел какой-то мужчина, лучезарно улыбаясь. «Англичане, чтоб их! И не спится им!» – пробормотала я и уже хотела вежливо ответить на приветствие, как незнакомец воскликнул: «О, соотечественница! Доброе утро! А я думал, Вы англичанка...» Я вежливо улыбнулась, пожелала возмутителю моего спокойствия приятного дня и, чтобы разговор не затягивался, пошла к морю. До чего же холодной была вода! Я, наверное, сразу посинела, зуб не попадал у меня на зуб, но я решительно окунулась и поплыла к буйкам. «Вряд ли он решится зайти в воду», – решила я. И зря, потому что соотечественник, по-видимому, гораздо лучше, чем я, переносивший холод, быстро обогнал меня и начал-таки светскую беседу из числа тех, которые часто ведутся на курортах. Кафка тут был не пришей кобыле хвост (одно дело, когда ты лежишь на пляже и у тебя книжка в руках – тут дело сразу переходит к литературе, а в море рано утром это не сработает), и пришлось поддерживать разговор на общие темы. Я узнала, что зовут его Станиславом, что он бизнесмен и прилетел отдохнуть от Саратова. Именно так – «отдохнуть от Саратова». Мы посмеялись, я как-то сразу к нему потеплела, но не настолько, чтобы вода перестала казаться мне холодной, и мы перебрались на берег – греться на солнышке. Какой уж тут, в пень, Кафка?! Обо всех ухищрениях упорного одиночества было забыто, и я весело щебетала, как птица-говорун.

Вот говорила мне Динка: «Мать, ты когда-нибудь с ума сойдешь от недолюба и бросишься на первого попавшегося мужика! Хватит жить монашкой – заведи себе любовника, что ли. Всё не одна!» Но я отмахивалась: после пары неудачных романов я чуть ли не в старые девы записалась и «наслаждалась одиночеством». Иметь, как Динка, просто «мужика для секса» – это было не для меня, а пустить в свою жизнь какого-нибудь нарцисса или неудачника с комплек-

сами мне не позволяло чувство собственного достоинства. И так получилось, что в тридцать два года на пустынном пляже в Турции я запала на еле знакомого «бизнесмена из Саратова». Я ведь понимала и то, что он мог быть и никаким не предпринимателем, и то, что отсутствие кольца на безымянном пальце – ещё не гарантия его холостого положения... Но мне было наплевать. Что он мне говорил, что я ему говорила – этого в моей памяти не осталось. Проклятый недолуб меня настиг, я словно попала в какой-то водоворот и только старалась не слишком быстро оказаться в постели Стаса. Третий день знакомства – это ведь не слишком быстро, правда?! А на следующее утро он улетел к себе в Саратов, и Турция поблекла для меня. Мне стало скучно с книжкой на пляже, меня не радовала еда и не восхищал больше лес. Экскурсия, на которую я таки решилась, чтобы избавиться от сплина, показалась мне неинтересной, и к вечеру второго после отъезда Стаса дня я включила телефон. И в вот в тридцать два года я с головой завязла в переписке, как девочка-подросток. Кажется, я все-таки ходила на пляж и даже что-то ела, но взгляд мой не отрывался от экрана смартфона. Мир перестал существовать для меня, остался только *мой любимый*. Да-да, именно так. Любимый. Ну не смешно ли?

Прилетев в Нижний, я места себе не находила, а Динка вертела пальцем у виска и проклинала свой аппендицит, ставший причиной не просто её сорванного отдыха, но и моего «буйного помешательства». Если бы она поехала со мной, действительно ничего подобного не случилось бы. И я в глубине души была просто счастлива, что она не смогла поехать, – иначе бы я не познакомилась со Стасом, не узнала бы, как бывают нежны губы с привкусом морской соли, как умеют ласкать сильные руки, как сладка тяжесть хорошо сложенного мужского тела...

Когда через пару недель после отпуска у меня началась задержка, я просто не придала этому значения. «Смена климата», – определила я причину сего явления и успокоилась. Ещё через две недели я дрожащими руками держала палочку с двумя полосками и старалась всё-таки поверить в реальность происходящего. Одно дело – курортный роман и послекурортная влюблённость, другое дело – последствия этого безумия. «Что скажет Стас?» – повторяла я про себя, как мантру, и не решалась набрать сообщение. Речи о том, чтобы ему позвонить, вообще не шло. Голос у меня пропал напрочь, и этим я перепугала начальницу, у которой по телефону отпрашивалась в отгул, поняв, что просто не смогу поехать на работу. «Конечно-конечно, Верочка, лечись. У тебя ларингит, наверное», – сказала Милена Георгиевна. Эх, если бы ларингит!

Я, конечно, переписывалась со Стасом, мы созванивались, говорили друг другу всякие приятности, даже обсуждали перспективу встречи, не планируя её пока на какую-то дату... Но ребёнок! Да мужчины же боятся ответственности как огня! Динке о своей беременности я сказать не могла (я знала, *что* за этим последует), а больше советоваться мне было не с кем. Весь день я собиралась с силами, потом зашла в социальную сеть и оставила Стасу лаконичное сообщение: «Я беременна!» Честно сказать, я ожидала, что он просто удалится у меня из друзей. Но в ответ пришел улыбающийся смайлик, а следом – два слова: «Я счастлив!» Я решила, что он принял моё сообщение за шутку, и бросилась уверять его в том, что всё абсолютно серьёзно. Он мне позвонил и ласковым, тёплым голосом сказал, что действительно рад и что выезжает в Нижний немедленно, чтобы «обнять двух самых дорогих людей». И тут я разревелась – так, как не плакала с детства. Мне казалось, что счастливее быть уже нельзя. Но Стас приехал и предложил мне стать его женой. Он говорил о своей любви, о безграничной радости и о том, что переедет в Нижний, потому что всё равно не смог бы дольше жить в разлуке со мной. Я ликовала и благодарила судьбу за то, что, уже не надеясь на семью и детей, я обрела то, что сделает меня настоящей женщиной. Свобода? Да кому она нужна! Грань между свободой и одиночеством так тонка, что её можно перейти, не заметив этого. А у меня под сердцем росла маленькая Вселенная, которой я радовалась не одна, а вместе с любимым человеком, который не побоялся бросить всё и перебраться в чужой город, чтобы просто заботиться о нас.

Подготовка к свадьбе велась в ускоренном режиме. Очень помогала Динка, которая, хоть и невзлюбила Стаса, согласилась стать свидетельницей и взяла на себя практически все организационные вопросы. Платье мы выбирали с ней вместе. Я знаю – обычно свадебное платье выбирают с мамой, но Динка мне была ближе, её советам я доверяла полностью. Мы перевернули с ног на голову, наверное, все свадебные салоны в городе, но нашли эту прелесть – идеальное платье, в котором я почувствовала себя сказочной принцессой. Динка прослезилась и тут-то, кажется, окончательно смирилась с приближающейся свадьбой. Я улыбалась, представляя себе, как после этого торжественного события объявлю подруге, что жду малыша, и как она обрадуется...

Платье мне должны были доставить на дом, и ради этого я пришла домой пораньше, отпросившись с работы. Мне не хотелось, чтобы Стас увидел мой свадебный наряд (я стала очень суеверной). До важнейшего события в моей жизни оставалось два дня, я немного нервничала, поэтому сразу не обратила внимания на звуки по ту сторону двери – зашла, разулась, и только тогда увидела счастливых любовничков. Наверное, не стоило так кричать, так переживать, так рвать себе сердце. Может быть, тогда и мой будущий малыш остался бы жив? Это давило на меня – моя (а не Стаса) вина. Я задвигала эту мысль подальше, а она возвращалась – в снах. Засыпая, я переносилась в мир, где свадьба моя состоялась, где я родила ребёнка и где я прижимала его к себе и целовала. Просыпалась я в слезах. Так что я не забыла. Невозможно было забыть, хоть я и пыталась саму себя обмануть.

Может быть, не так уж и нелогично было моё решение пустить к себе Наташу. Что будет с её ребёнком, если я не помогу ей? Смогу ли я себе простить *это*? С этими мыслями я заснула, и впервые за два месяца у меня не было мучительных сновидений – я даже чуть не проспала. Начинался не только новый день – начиналось что-то новое в моей жизни...

Глава 4. Племянница

Когда я пришла с работы, Наташа стояла рядом с большим чемоданом под моей дверью – естественно, непринуждённо, как давно званная и долгожданная гостья.

– Добрый вечер, Вера! Не волнуйтесь, я жду всего минут пять, – ответила она, привычно улыбаясь, на моё приветствие.

После ужина я (в лучших традициях гостеприимства) предложила ей свою комнату, но она мягко отказалась:

– Вам же надо работать, а я и тут, в зале, поживу. Я днем учусь, а потом допоздна работаю, так что все равно буду приходить только перед сном.

Я согласилась и ушла на кухню, чтобы не мешать Наташе осваиваться. Мне было немного не по себе: я привыкла жить одна (если не считать кратковременного пребывания в моей жизни Стаса) и просто не знала, что со мной будет, если новая соседка захрапит, например, или поставит свою зубную щётку в мой стакан. Оставив как-то раз Динку у себя ночевать, я чуть не поругалась с ней насмерть за то, что она оставила свою щётку рядом с моей и перепутала их спросонья. С тех пор лучшая подруга отказывалась даже ко мне в гости заходить. «Не хватает ещё сдвинуть с места коврик у тебя в туалете – вообще убьёшь», – заявила она. Стас – другое дело: он был моим любимым мужчиной, бросившим всё ради меня, и с его несовершенствами я мирилась, подчас вообще их не замечая. Но больше никого в свою жизнь я пускать не собиралась – даже не стала заводить котёнка. Мой дом – моя крепость. Моя и только моя.

Но Наташа, кажется, сразу почувствовала, что ей можно и чего нельзя делать в моей квартире. Оказалось, что у неё имеется даже тот самый отдельный стакан для щётки. Увидев его в ванной, я расплылась в улыбке. Кажется, у нас получится жить вместе.

* * *

Динка чувствовала перемены в моей жизни, как говорится, копчиком. Поэтому я не очень удивилась, когда она позвонила мне на следующий день и напросилась на встречу.

– Где встретимся? Где обычно? – уточнила я.

– Да не хочется что-то. Может, у тебя чайку попьём? – выдала Динка. Вот тут я поперхнулась, ведь она после достопамятного утра вообще старалась в мою квартиру не заглядывать. Тем не менее, ключи от моего жилища у неё были – на всякий случай.

– Ну давай, – не очень уверенно согласилась я.

Договорились на семь. Я немного опоздала, попав в пробку, а когда открыла дверь, услышала голоса на кухне. Динка пришла раньше, поняла я, а Наташа её впустила. «Я же совсем забыла придумать для Наташи легенду!» – похолодела от страха я. Динке никак нельзя было говорить, кто такая эта девушка на самом деле. А если Наташа уже успела что-то рассказать?! В любом случае, надо непринужденно зайти на кухню и действовать по обстоятельствам.

– Привет, девчонки! Чай распиваете?

– Что ж ты не сказала, что не одна живёшь? – отозвалась Динка, прищуриваясь, как мне показалось, довольно подозрительно. – Я бы побольше пирожных принесла.

– Да как-то забегалась, забыла, – неопределенно проблеяла я. Получалось жалко и неубедительно.

– Тётъ Вер, Вы как-нибудь до того заработаетесь, что дорогу домой забудете, – произнесла, как ни в чем не бывало, Наташа, надкусывая эклер. Я сообразила: она сказала Дине, что приходится мне племянницей. Так просто! Вот уж воистину легкая!

Дальше разговор шел непринуждённо. Мы с Динкой болтали о всяких пустяках, как водится, обсуждали знакомых (сплетни полезны, а вы не знали?), Наташа вставила пару сту-

денческих историй, оказавшихся очень кстати: мы с Динкой заканчивали тот же факультет, на котором училась теперь моя «племянница». Повспоминали преподавателей, сессии (как приятно о них говорить, когда весь этот ужас далеко позади), однокурсников.

– Андрюха Болотников еще одно образование получил – юридическое. В полицию подался, – рассказала Дина. – Теперь вот в Главном управлении МВД по области работает.

– Погоди, не в пресс-службе? – оживилась я.

– Ага, там, – кивнула Динка. Она знала всё и про всех. Ещё бы – она у нас в группе была старостой.

– А я смотрю – знакомая фамилия под пресс-релизом. Думала, что однофамилец.

– Кое в кого Андрюха влюблен был, – подмигнула мне подруга. – Ты, Наташа, поди, не знаешь, что у тебя тетка первой красавицей на курсе была.

– Динка, брось! Во-первых, первой красавицей на курсе была ты, а во-вторых, Андрей же женился, кажется, на последнем курсе ещё.

– Конечно, женишься тут фиг знает на ком, когда тебя любовь всей жизни отвергает! На Машке Хохмачевой можно было жениться только с отчаяния, я считаю...

– По какой бы причине ни женился, а он женат. И не надо мне мозги запудривать, – довольно резко перебила я и сама удивилась: неужели Андрей для меня что-то значит?

– Они развелись, года вместе не прожили, – уверенно заявила Динка, не смутившись ни на грамм.

Повисло молчание, и тут Наташа, подливая нам чай, предложила:

– А почему бы вам не организовать встречу выпускников? Вы, Дина, наверное, сможете всех собрать.

– А что – это мысль! Молодец Наташка! Племяшка у тебя что надо, Верунь, в корень зрит, – загорелась моя подруга и подмигнула инициатору. Не просидев после этого и пяти минут, Динка сорвалась с места и побежала домой – встречу организовывать.

– Ничего, что я Вашей племянницей представилась? – спросила Наташа, едва дверь за гостьей закрылась.

– Это ты молодец, что нашлась. Племяшка – то, что надо. О наших... обстоятельствах ей (да и никому) лучше не знать. Но вот дверь ты зря незнакомым людям открываешь, – попыталась я изобразить суровость.

– Я бы и не открыла! У неё ключи есть. Я думала, Вы вернулись, а тут – незнакомое лицо. Ты что здесь делаешь, спрашивает, а я говорю, что Ваша племянница, из Шахуньи приехала. А дальше просто все. Она хорошая, эта Дина. Веселая очень.

– Да, хорошая... Знаешь, как познакомились с ней на вступительных экзаменах (тогда ЕГЭ никакого не было ещё), так и сдружились. Ладно, поздно уже, пора спать.

* * *

Сон долго не приходил ко мне. Взбудоражила меня Динка новостями про Болотникова. Так недавно все это было – и так давно. В наступающем году будет 10-летие выпуска. Не торопится ли Динка тогда со встречей? Хотя она и две устроит – сейчас и летом. Уж если ей вожжа под хвост ударит, она не отступится...

Андрей Болотников вроде бы ничем особенным от однокурсников не отличался. Учились все хорошо, многие даже отлично, а вот Андрей красного диплома так и не получил. Из-за меня. Преподаватель старославянского языка Константин Никифорович свой предмет спрашивал строго, на лекциях у него была стопроцентная посещаемость, а на семинарских занятиях, когда он задавал вопрос, мы все вжимались в парты, молясь, чтобы эта буря мимо пронеслась. Я пропустила две лекции по болезни и, соответственно, не смогла подготовиться к семинару. И гнев препода пал на меня. Как он орал! «Если Вы прогуляли лекции, это еще

не отговорка! Надо было вы-учить!» Мы были несчастные запуганные первокурсники, а я так вообще боялась слово сказать. Стою перед Константином Никифоровичем и плачу. А он весь покраснел, расвирепел, потому что я ничего не отвечаю. Вот тут Андрей встал, подошел к нему и тихо так: «А ну не смейте на девушку орать!» Препоод сразу сдулся, даже всех с занятия отпустил. Но дерзкому студенту не забыл этого. Старослав Болотников у него сдал на «троечку», древнерусский язык – тоже. И на передачу надежды не было никакой. А с «удами» какой же красный диплом? Хотя по остальным предметам у Андрея «отлично» было. Ему в деканате предлагали передачу с комиссией организовать, но Болотников гордый был – не пошел на это. Характер...

Ко мне он подойти боялся. Взгляд у меня какой-то строгий, что ли... А на зачетах и экзаменах он мне помогал, чем мог. Он мне нравился, но напрашиваться самой? Так и не срослось у нас. Как говорится, не судьба. А на последнем курсе Андрей напился в компании наших однокурсников (я на такие мероприятия редко ходила, мне потом рассказывали, что там было), присел к Маше Хохмачевой и давай ей душу изливать: «Не любит меня Верка!» Ну, Маша девушка сметливая, разбитная – приголубила его. Проснулись они наутро в одной постели, и Андрей, как честный человек, через месяц женился. Да-да, бывало и такое, и не так давно – десять лет назад. Значит, они развелись? Удивительно, как и год-то вместе прожили.

Я лежала без сна на смятой от моих метаний кровати и удивлялась сама себе: неужели во мне ещё что-то живо? А ведь думала, вообще теперь на мужчин смотреть не смогу. Но то какие-то абстрактные мужчины – а это Андрей. Мой рыцарь. И с этой мыслью и улыбкой на губах я всё-таки уснула.

Глава 5. Не было бы счастья...

Мы с Наташей жили вместе душа в душу уже три недели. У неё становился заметным живот, но только если хорошо приглядеться. Приближался Новый год – до него оставалось несколько дней. Елку мы наряжать не стали – детей-то дома пока нет, но мандаринами всё-таки лакомились. Когда Наташа была дома, то готовила вкусные супы и ужины, потом приходила я, мы садились кушать и говорили о всяких пустяках вроде учебы или новостей, она иногда рассказывала о своей работе – клиенты какие только не попадают... И тут, как-то вечером, до меня дошло, что она ни разу не сказала ничего о том, где стоит на учёте по беременности. Это меня насторожило.

– Наташ, а ты в какую консультацию ходишь? – спросила я между делом, очищая от кожуры очередной мандарин.

– В какую такую консультацию? – переспросила Наташа.

– В женскую. К гинекологу какому? – уточнила я, уже угадывая ответ.

– Да ни к какому. У меня и так две полоски – зачем ходить? – удивилась Наташа. Я удивилась было тоже, но одернула себя: девочке ещё нет двадцати, глупая совсем, у неё ничего не болит – она и к врачу не идет. Святая простота. Лёгкость. Перед глазами у Веры возникла Юлия, которая тоже в свои 18 лет не спешила к гинекологу и носила в себе мертвого ребёнка две недели... Чему уж с Наташей-то удивляться?

– Затем, что тебе наблюдаться где-то надо, чтобы тебя гинеколог осматривал... Анализы надо сдавать, УЗИ делать, обменную карту заполнять. Это всё понадобится, когда рожать поедешь. Да и родовой сертификат нужен, а его в консультации выдают, – терпеливо объясняла я, ругая себя за то, что не поговорила с девочкой раньше. – Господи, да мы первое УЗИ пропустили уже! Хотя нет – время до 14 недель вроде есть ещё... Полис есть у тебя?

– Нет, – покачала головой беспечная Наташа. – Я же неофициально работаю, мне больничные не нужны, я и к врачам не хожу. Зачем мне полис?

Я только всплеснула руками. Лёгкость – это, конечно, здорово, но только когда рядом с тобой есть человек, способный решать проблемы, над которыми ты паришь, не снисходя до них. Полис ведь делается не один день, время упустим!

– Да и прописки у меня в городе нет, я вообще с севера области. Не туда же мне ехать, – добавила Наташа, добив меня окончательно. Для оформления полиса нужна прописка... Ну что же поделаешь, она и так тут живёт, можно и прописать... А пока суть да дело, сходим к платному врачу.

* * *

Наташа вышла из кабинета, сияя ослепительной улыбкой. Ей не терпелось поделиться со мной новостями:

– Тринадцать недель! УЗИ можно сделать, даже прямо сейчас!

И мы пошли на ультразвук – вместе. На большом экране видно было всего малыша – даже крохотные пальчики и носик-пуговку. Развивался он, судя по словам доктора, нормально... И ещё что-то говорилось, но я уже не слушала. Когда-то, и так уж давно вроде бы, и я была на УЗИ, лежала вот так, как сейчас Наташа, и смотрела в монитор, на котором видно было малыша. Наверное, на таком сроке они все похожи – мой был точно такой же... Или мне теперь так кажется? До второго УЗИ он не дожил... Кольнуло сердце – раз, два, три... «Прости, прости меня!» – шептала я несбывшемуся.

– Тётъ Вер, какой он классный, правда? – воскликнула Наташа. Я кивнула и выбежала в туалет, где долго умывалась холодной водой. Там она меня и нашла.

– Мне плохо стало. От волнения, наверно, – оправдывалась я, опуская бледное, как побелка, лицо. «Всё, хватит терзаться», – приказала я себе. То ли будет дальше! Наташа не должна волноваться. Она не должна ничего знать. – Пойдем, моя хорошая. Он действительно классный. Хотя, может быть, не он, а она? Через пару месяцев узнаем.

– Мне анализы назначили целую пропасть! И врачей ещё надо обходить! – не умолкала Наташа. Кажется, она находила особое удовольствие в том, чем раньше пренебрегала. А главное – я это точно знала – она теперь удостоверилась, что у неё внутри растет самый настоящий человек. Пока не увидишь, не поверишь...

* * *

Беда свалилась неожиданно. Придя домой в пятницу, я очень удивилась, увидев, что Наташа дома. В этот вечер была её смена в кафе, я знала точно – только вчера об этом говорили. Моя «племянница» сидела на кухне и пыталась пить чай из кружки, в которой уже ничего не было.

– Наташ, что-то случилось?

– Меня с работы выгнали, тётя Вер, – еле слышно произнесла она. Она так привыкла меня называть своей тётей, что делала это уже бессознательно. Хотя, если вдуматься, не на столько уж я её и старше... Но теперь не об этом.

– За что? – ахнула я.

– Да за беременность, – ответила Наташа, и я впервые увидела в её глазах слезы. – Я девочкам, другим официанткам, рассказывала, как на УЗИ ходила и какой у меня замечательный малыш в животике растет, а тут подошла Карина – она у нас главная – и велела мне убираться из кафе и не появляться больше. А я ведь могу ещё работать, тётя Вер, и живот не видно совсем...

«Простота хуже воровства», – подумала я. Ну это же надо было додуматься – рассказывать на работе о своей беременности, если ты официально не оформлена! Хотя в любом случае скоро правда вышла бы наружу...

– Не плачь, всё образуется, – произнесла я, подходя и обнимая её за плечи. Бедная бабочка, несчастный котенок... Выходит, не все так легко в жизни, правда?

– Как я без работы теперь, да ещё под Новый год? Неплохие чаевые могла бы заработать, – качала головой Наташа, но, слава богу, пустую кружку уже ко рту не подносила.

– Ничего, проживём, – оптимистично заявила я. И тут меня дернуло добавить: – Ты могла бы поработать со мной. Ты ведь на филфаке учишься, так ведь? Можешь прийти к нам стажироваться, по крайней мере.

Наташа расцвела на глазах. Расправила крылышки, так сказать. Человеку не так много надо для счастья.

– А теперь давай поужинаем. Побалуем себя – закажем пиццу. Отметим перемены, – сказала я. Мне казалось, что с Наташей стала как-то легче и я сама. Решения проблем приходили сами – без лишних самокопаний, которым я весьма была подвержена. Скоро Новый год, в конце концов, а это время сказки, волшебства и сбывающихся желаний.

* * *

Кстати о желаниях. На следующее утро, отведя Наташу в редакцию и сдав её с рук на руки выпускающему редактору Святославу, я была немедленно вознаграждена звонком Дины.

– Привет, Верунь! Мне это удалось – собрать нашу группу, я имею в виду. Прямо перед Новым годом и встретимся, а то дальше праздники, все разъезжаются кто куда, кто-то вообще работает... Мне удалось даже заказать зал в «Студенческом рае»!

– Да ты что! Это же практически невозможно! – несказанно удивилась я. «Студенческий рай» – кафе рядом со зданием нашего факультета, где мы неоднократно праздновали окончание сессии (чаще всего без спиртного, но всегда очень весело).

– Ну, если честно, я не совсем сама заказала – там Димка Девяткин массовиком-затейником подрабатывает, – призналась Дина. – Он вообще-то, как ты знаешь, хорошо известный в городе ведущий праздников, а «Студенческий рай» – это у него так, халтурка для души. Его там за бога почитают, так что проблем с бронированием не было.

Димка... Он был душой не только нашего курса, но и всего факультета. В филологии и журналистике ему, видимо, было тесно – человеку-празднику нужны фейерверки каждый день.

– И чего молчим? – поинтересовалась Дина. – Ах да, о самом-то главном я ведь не сказала: Болотников обещал быть. А как узнал, что ты придешь, вообще дар речи от счастья потерял. Что наденешь?

– Дин, ты меня с ума не своди, – опешила я. – Я откуда знаю, в чем пойду? Открою шкаф и...

– Сегодня вечером пошли по магазинам. Надеюсь, ещё что-то интересное там осталось, а то к празднику уже порасхватили всё, наверное. Откроет она шкаф... Да там у тебя из нового разве что молодое поколение моли! А показаться влюблённому мужчине...

– Дина!

– А показаться влюблённому мужчине, – как ни в чем не бывало продолжала моя лучшая подруга, – в старых тряпках нельзя. Он тебя сколько не видел? Вот-вот. Ты должна его просто паразитить. Так что вечером я к твоей конторе подъеду – и во все тяжкие! Отбой!

Надо ли говорить, что мне в этот день не работалось? Я в уме перебирала все свои костюмы и платья и в итоге пришла к согласию с Диной – ничего сногшибательного и сумасводящего у меня в гардеробе не было. Строгие брючные костюмы для работы – вот этого навалом, а праздничного... Любимый наряд, надеваемые мной обычно на чужие свадьбы («мое маленькое чёрное свадебное платье»), уже протерся до дыр и, надо сказать, поднадоел мне самой, летние, для отдыха подобранные, варианты здесь не подходили.

Ближе к концу рабочего дня ко мне в кабинет заглянула Наташа. Она вся сияла – видимо, новая работа пришлась ей по вкусу.

– Тётъ Вер, мы домой в шесть?

– Мы с Диной тут собрались по магазинам...

– Вот и отлично – я с вами, если не возражаете.

* * *

Я думала, что у меня сотрутся ноги – по колено. Все три часа до закрытия магазинов мы шатались по бутикам, напоминая голодных хищниц. Борьба за каждую стоящую вещь велась там не на жизнь, а на смерть, ведь до Нового года оставались считанные дни. А мы даже и в борьбу не особо ввязывались: найти то, что устроило бы нас троих, было непросто. Динка отметала выбранные мной платья, я приходила в ужас от её предложений, а Наташа (в силу возраста, видимо) пыталась нарядить меня во что-то явно молодёжное. В результате к примерке мы даже и не приступали. Наконец Динка впихнула меня в примерочную с ворохом всего, на что мы по очереди положили глаз. Один за другим я отвергала платья и костюмы, а в последнем (его выбрала Дина) я показалась себе до невероятия жирной... Вообще какие-то странные зеркала в магазинах: они как будто выпячивают все твои недостатки, прямо до того, что жить не хочется. Или это только у меня так? В любом случае, я чуть не разревелась и вспомнила, почему так редко хожу по бутикам – мне большая часть модных вещей подходит не лучше, чем корове седло. «Всё, хватит с меня!» – решила я, переделалась обратно в свой

строгий брючный костюм и вышла из примерочной с таким видом, что Дина с Наташей даже спрашивать ничего не стали.

Возвращались мы удрученные. Мои спутницы признали свое поражение, а моя лучшая подруга предложила даже «бахнуть с горя». И тут мой взгляд случайно упал на витрину небольшого магазинчика – там девушка (видимо, продавец) переодевала манекен во что-то изумрудное. И у меня аж сердце кольнуло. Ни слова не говоря, я направилась в этот магазинчик (в расписании его работы значилось, что он открыт до 21:00, а теперь был уже десятый час, но я все равно решила рискнуть).

– Девушка, милая, извините, бога ради, но я не уйду, не примерив вот это платье! – заявила я, переступив порог. Дина и Наташа пока ничего не понимали и тянули меня за руку, нудя о своей усталости.

– Да, пожалуйста! А я как раз товар разбираю, – улыбнулась девушка, действительно оказавшаяся продавцом. – Сорок восемь?

– Да, да, – торопливо подтвердила я, проходя в кабинку. Я, наверное, могла бы его даже не мерить – я знала, что это платье мне подойдет.

Я была права – я влюбилась в это изумрудное чудо с первого взгляда, и не зря! Оно подчеркивало все мои достоинства и идеально скрывало недостатки: верх в обтяжку, рукав до середины плеча, юбка-солнышко по колено. Ничего лишнего – и такое совершенство! Разумеется, я показала Наташе и Динке. Им оставалось только ахнуть.

– Туфли у тебя к нему есть? – обретя дар речи, поинтересовалась подруга, а я не знала уже, куда деваться от счастья: туфли действительно были. Купленные год назад, что называется, по случаю, они всё ещё стояли в коробке на нижней полке шкафа. Я готова была поклясться, что они ждали именно этого платья, чтобы «выйти в свет». Честное слово!

И тут меня как прошибло: сколько стоит платье? Я ведь даже не спросила! Вдруг у меня не хватит денег? Я умру от разрыва сердца на месте, вот и всё. Но девушка-продавец и тут удивила меня, назвав вполне приемлемую цифру (как раз столько, почти рубль в рубль, у меня и было с собой). Разве бывает столько счастья за раз? И как хорошо, что я не купила ни одно из этих вульгарных тряпок, которые мерила в бутике торгового центра! Как тут не поверить в своего ангела-хранителя? Кто-то на небесах, видимо, поставил себе цель превратить меня в фонтан радости и достиг её, это точно!

Глава 6. Рыжая. Просто рыжая

Я вертелась перед зеркалом, как заводная кукла. Да, туфли подошли идеально. И платье сидело как влитое, «як на меня шито» (так частенько говорила моя мама). Но чего-то не хватало... Как будто платье отдельно, а я – отдельно. Не ошиблась ли я, поддавшись первому впечатлению?

Подошла Наташа и, словно прочитав мои мысли, выдала:

– Тёть Вер, тут что-то не так... Вот что – Вам волосы покрасить надо. А то Вы, уж извините, как серая мышка. В официальном костюме, может, и ничего, но с этим платьем такие волосы – преступление.

Да уж, мои русые волосы далеко не подарок. Ни объема, ни блеска, а самое главное – цвет... Серая мышь – лучше и не скажешь. Но красить волосы?! Да я в жизни этого не делала. Что сказала бы моя мама, которая даже не давала мне в школе выстричь челку? Но, в конце концов, я уже сама взрослая, состоявшаяся женщина, могу решать, что делать с собственными волосами.

Весь мой внутренний монолог занял несколько секунд. Я не особо сопротивлялась Наташиной идее. Пусть будет очередной фортель.

– Да, покраситься можно, – раздумчиво произнесла я. – Но только вот в какой цвет? Стать блондинкой?

– Тёть Вер, ну Вы даёте! Рыжий. К этому платью подойдет рыжий, – безапелляционно заявила моя «племянница». Я чуть не рухнула: рыжий – это слишком! Может, ещё веснушки подрисовать?

– Наташенька, но ведь нельзя же красить волосы, чтобы они подходили к платью. Вот платье к цвету волос подобрать – это нормально, – смогла наконец-то выдать из себя я, когда немного опомнилась от шока.

– Вы прямо как пенсионерка, честное слово! – взорвалась Наташа. Обычно она говорила спокойно, даже чуть лениво, а спорить со мной вообще не принималась. Но на этот раз она так была уверена в своей правоте, что мои возражения приводили её чуть не в ярость. – Да и пенсионерки, наверно, легче на перемены соглашаются, чем Вы!

– Ага. Может, и мне в фиолетовый лохмы покрасить? – шутя огрызнулась я, уже чувствуя внутри щекочущее предвкушение очередного фортеля. Я стану рыжей – определённо!

* * *

Через два дня, зайдя в редакцию, я наделала там шуму не меньше, чем самый крутой информационный повод. У меня на голове пылал костёр! Я утром спросонья даже себя в зеркале испугалась – думала, чужой кто. Но, приглядевшись, признала себя любимую. А ещё поняла, что мне надо было родиться рыжей. Даже в глазах как будто искра озорная зажглась!

– Вера, ты ли это? – ахнул Святослав, поднимаясь из-за выдавшего виды редакторского стола. Мне кажется, он даже наконец-то посмотрел на меня как на женщину, а не как на заместителя главного редактора. И это после без малого восьми лет совместной работы!

Признание меня нашло. Я почувствовала себя «звездой» и была счастлива. Почти. Потому что вечер ещё не наступил. На полдевятого была назначена встреча выпускников нашего курса. Наташа заглядывала ко мне в кабинет, кажется, раз десять. И каждый раз заговорщицки подмигивала мне и исчезала. В её глазах можно было прочитать: «А что в изумрудном платье будет!»

* * *

И всё-таки я волновалась. Повод для волнения вроде бы был глупее не придумаешь: я боялась, что не понравлюсь Андрею. Он был влюблен в «серую мышку», так ведь? Не окажется ли, что я слишком изменилась?

После работы забежала домой переодеться. Наташа меня поймала на входе (она закончила работать пораньше, чем я) и повела делать мейкап. «Теть Вер, не сопротивляйтесь. Опоздаете – ничего страшного. Золушкам свойственно опаздывать», – тараторила «племянница», смывая с моего лица неброский макияж, который я считала подходящим для любой ситуации. Наверное, со стороны виднее. Да и к новой огненной прическе стоило ярче накрасить глаза...

Второй раз за день я себя не узнала в зеркале. Искорки в глазах, замеченные мной ещё утром, превратились в чертенят, честное слово. Все мое лицо светилось как-то по-особенному. Я сама в себя влюбилась, правда-правда. Может быть, от этого я и почувствовала себя лёгкой – почти такой же лёгкой, как Наташа, которая с удовольствием оглядывала меня в последний раз перед тем, как отпустить из квартиры. Наверное, она чувствовала себя художницей, только что закончившей картину. «Ну, ни пуха!» – улыбаясь, произнесла Наташа, и я автоматически отозвалась: «К чёрту!» Да, этот вечер, пожалуй, походил на экзамен, от которого зависела уже не стипендия, а, возможно, вся последующая жизнь.

По дороге в «Студенческий рай» я вдруг подумала, что слишком уж размечталась. И дело может быть не только в том, что я могу не вызвать в Андрее прежних чувств через почти десять лет разлуки, но и в том, что он тоже наверняка изменился. А если он теперь потный лысый дядька с большим животом? Вполне может быть. Женщине сложно сохранить красоту и молодость, а мужчины особо и не стараются. Десять лет – немалый срок, и обзавестись приличным брюшком за это время может любой. «Но встреча выпускников меня ни к чему не обязывает. Это даже не свидание», – попыталась успокоить себя я. В этот момент такси и подъехало к кафе, светившемуся новогодней иллюминацией. Пожелав самой себе удачи, я расплатилась и вышла из машины, преодолевая чуть заметную дрожь, возникшую то ли от морозца (на улице было около минус двадцати), то ли от вполне понятного волнения. И вот на подходе к кафе я умудрилась поскользнуться. Это только я так могу – упасть на ровном месте... Но я так и не упала: меня в последний момент кто-то подхватил.

– С Вами все в порядке? – поинтересовался мой спаситель таким знакомым голосом, что я даже не поверила. Да, это был Андрей, который пока что меня не узнал.

– Да, спасибо большое, – улыбаясь, ответила я, поправляя шубку, и подняла глаза. Он не изменился, совсем не изменился. Разве что стал мужественнее. И табаком от него не разит – значит, он так и не начал курить. Не мужчина, а мечта.

– Вера! – ахнул он, когда наши глаза встретились. «Как в голливудском фильме», – мелькнуло у меня в голове. Я поняла, что пропала. Сердце сладко зануло и ухнуло куда-то в правую пятку.

* * *

Начало встречи выпускников я запомнила слабо. Наверное, со стороны я выглядела, как инопланетянка, прилетевшая на Землю в первый раз. Учитывая цвет моих волос, я была Лилу из «Пятого элемента». Сначала меня никто не узнал, даже Динка, встречавшая гостей. О моем фортеле с покраской волос она ещё не ведала, ибо я хотела преподнести ей сюрприз, и это мне на все сто процентов удалось.

– Кого я вижу! Вера, Андрей, вы опаздываете, но мы всё-таки не на паре у Лидии Яковлевны, так что дверь перед вами не закроем. Проходите! – выпалила на едином дыхании

Динка, незаметно подмигивая мне левым глазом. Пройдя мимо неё, я обернулась и увидела, что любимая подруга показывает мне большой палец, закатывая глаза к потолку. «Ты обалденна!» – так, наверное, это можно было понять.

Дальше всё как в тумане. Бывшие однокурсники дружно что-то вспоминали, а мы с Андреем сидели рядом и ничего, кажется, не слышали. Я млела от того, что он под столом тайком сжимал мою ладонь в своей. Ну как школьник! Хотя сейчас, кажется, даже школьники ведут себя куда смелее. Но мне именно это и нравилось. От легкого пожатия его пальцев у меня по бедру пробегали мурашки, таким интимным мне казалось это движение. Ничего подобного я не испытывала даже со Стасом. Между мной и Андреем было какое-то пугающее даже взаимопонимание. Потребовалось почти 10 лет, чтобы мы смогли признаться друг другу в наших чувствах. Нет, не словами (мы почти и не говорили друг с другом) – только взглядами. Я казалась себе немного пьяной, хотя только пригубила бокал шампанского. Со мной творилось что-то нереальное.

– Андрюш, я украду её на минутку. Вер, пойдём-ка носики припудрим! – весело произнесла Динка, появляясь за нашими спинами. Я нехотя поднялась, сказав Андрею взглядом: «Я быстро!»

– Мать, я всё понимаю, но ты прямо меня смущаешь, – зашипела Динка, едва за нами закрылась дверь туалета. – Вы как жених с невестой сидите, а у нас тут не свадьба всё-таки, а встреча курса. Меня уже Танька спрашивает, как давно вы встречаетесь. Ты обороты-то сбавь... А то хочешь, я тебе ключи от своей квартиры дам. Там никого нет, а у тебя племяшка дома...

– Дин, ты с ума сошла, что ли? – наконец-то обрела дар речи я. – Не собираюсь я с ним спать. Уже и посидеть рядом с человеком нельзя.

– Мне-то не лепи, – ухмыляясь, выдала Динка одну из своих любимых фразочек. – У тебя глаза мартовской кошки. Я тебя такой сто лет не видела, а может, и вообще никогда. «Не собираюсь я с ним спать!» Ну да, ну да...

– Я хочу хоть раз сделать все правильно, – призналась я. – Не торопиться, не форсировать события, а просто подождать. Мне кажется, Андрей – мой. Мой, понимаешь? Я могу ошибаться, но испортить всё не хочется.

– Наконец-то я слышу от тебя что-то серьёзное про отношения. Вот бы ты так размышляла, когда со своим альфонсом Стасиком встретишься... Ладно-ладно, завязываю, – показательно подняла руки вверх Динка, наткнувшись на мой взгляд. – Но с девчонками всё-таки пообщайтесь, а то невежливо как-то получается.

Я пообещала и, вернувшись на свое место, включилась в разговор о защите дипломов. Действительно, это событие на нашей кафедре (а речь шла именно об этом) Динка смогла превратить в нечто необычайное: она начала защиту своего диплома, посвящённого русскому року, с анекдота и продолжила в том же духе. Моя подруга вогнала в краску своего научного руководителя, а под конец её речи покатывались от смеха не только мы, студенты, но и все преподаватели, в числе которых были и приглашенные из других вузов. «Отлично» Динке, правда, не поставили, но запомнили, наверное, навсегда. Я слышала, что именно после её выходки на нашем факультете каждая беседа со студентами о защите диплома заканчивалась словами: «И не вздумайте травить анекдоты!»

Андрей тоже поддержал разговор, поняв, видимо, о чем меня попросила подруга. Его ладонь опять нашла мою под столом, но теперь это движение приобрело ещё более заговорщицкий оттенок. Динка было сделала мне «страшные глаза», но тут в кафе ворвался Димка Девяткин и с порога начал своё выступление. Да, он тоже был прежним – вечный двигатель, не замолкавший ни на секунду. Неудивительно, что он один из лучших ведущих праздников в городе. С первого курса он был непременно участником (а потом и ведущим) «Студенческой весны», с третьего – капитаном университетской команды КВН. Он уже тогда поражал дев-

чонок неповторимым обаянием, которого не растерял и сейчас. Когда-то они с Динкой были очень дружны, но потом жизнь разбросала их по разным сферам. На этот раз они встретились, как будто и не прошло без малого десять лет. Между ними, кажется, пробежала искра, и к концу вечера Динка шепнула мне, когда мы снова выходили «припудрить носики»: «Я его сегодня трахну!» Неисправимая хулиганка! Она могла быть и серьёзной, когда требовалось, и тихоней, но в ней всегда сидел чёртик, поступки которого оставляли далеко позади мои форматы.

В общем, вечер удался. Андрей проводил меня до дома и молча поцеловал мне руку у дверей квартиры. Зайти на кофе я ему не предложила: чувствовала, что это было бы лишним. Мы с ним уже обменялись телефонами и знали, что этот вечер – только начало наших отношений. Войдя в квартиру, я тут же получила от него сообщение: «Ты просто потрясающа, Рыжая! Я теряю дар речи в твоём присутствии». И только теперь меня осенило: Динка частенько называла меня Рыжей, когда мы учились, хотя волосы у меня тогда (как впрочем, и всегда до вчерашнего дня) были русыми. Так она намекала на хитрость, которой во мне якобы было хоть отбавляй. А на самом деле я была на редкость бесхитростным существом. И всё-таки она угадала: истинная Я была Рыжей.

Глава 7. Как Новый год встретишь...

Голос Андрея даже по телефону волновал меня и заставлял покрываться мурашками от воспоминаний о «Студенческом рае». Вот и на этот раз я тихо млела, уютно устроившись в кресле и прижав трубку к уху.

– Где и с кем ты будешь встречать Новый год? – поинтересовался он. – С Диной?

– Нет, она уехала к маме. А я, наверное, дома старый год провожу, новый встречу и спать лягу, – ответила я. Справлять праздник я особо не собиралась. Новый год хорош в кругу семьи, а я последние несколько лет встречала его в одиночестве: бутылка шампанского, какой-нибудь салатик и мишура на фикусе. Вообще я не люблю праздники. День рождения, например, и вовсе не отмечаю.

– Это ещё что за пораженческие настроения?! – весело изобразил негодование Андрей. – Если не с кем за стол сесть, это ещё не повод не отмечать такой праздник! Вот что – завалюсь-ка к тебе я!

– Да я не сказать, чтобы одна. У меня ведь племянница живёт, – уточнила я.

– Тем более! Оставлять девочку без праздника совсем нехорошо.

– Уговорил. Приходи завтра к десяти, – произнесла я. Вот так неожиданно-негаданно поменялись мои планы.

Оставлять Наташу без праздника я, правда, не собиралась: несколько дней назад мы с ней разговаривали на эту тему. Она сказала, что Новый год не очень любит и обычно вообще не отмечает, но со мной за компанию с удовольствием покушает салатик и послушает бой курантов. Так что у нас были запланированы тихие посиделки. Намечающийся приход в нашу квартиру мужчины резко менял всё.

Я позвала Наташу, и мы с ней принялись составлять список блюд для новогоднего стола. Оливье в нашем меню не было, так же как крабового салата и селёдки под шубой – всё это было слишком тривиально. Запечённое в фольге филе индейки, салат с сыром, крабовыми палочками и помидорами, творожные рулетики и канапе должны были заменить традиционные новогодние блюда.

Утро 31 декабря выдалось суматошным. Покупать продукты для новогоднего стола за несколько часов до праздника – то ещё удовольствие. Полки даже в гипермаркетах были почти пустыми, не говоря уж о небольших магазинах. Очереди в кассы, несмотря на это, поражали размерами. Я обежала и объехала полгорода, пока не набрала все продукты по списку. На готовку оставалось уже не так много времени, но мне, хвала небесам, помогала Наташа, руки которой с полным основанием можно было назвать золотыми.

К десяти мы уже успели накрыть на стол. Индейка допекалась в духовке, наполняя квартиру таким ароматом, что слюнки текли. Мы с Наташей нарядились и подкрасились: не встречать же Новый год распустехами. Так что к приходу Андрея мы уже были в полной боевой готовности.

Наконец-то раздался звонок в дверь, я побежала открывать и увидела живую ёлку, занимающую все обозримое пространство. Она вплыла в мою квартиру первой, а вслед за ней появился Андрей, шея которого была поверх куртки обмотана новогодними гирляндами.

– Я так и знал – ёлочки-то у вас и нет, – произнес он первым делом, оглядывая зал, куда занес лесную красавицу, и уж потом поздоровался.

– А если бы была? Куда нам тогда вторая? – отозвалась я, не в силах сдержать улыбку. Мужик с гирляндами вместо шарфа – презабавное зрелище.

– В другую комнату бы поставили, – мигом сообразил гость. – Но раз уж отмечать Новый год ты не собиралась, то и ёлки у тебя быть не должно было.

– А работа в полиции даром не проходит! Дедуктивные способности у тебя на высоте, – ответила я и добавила: – Но вот только чем мы елочку украсим? Одними гирляндами?

– Ну отчего же? – показательно изумился Андрей и достал из-за пазухи пакет с разноцветными шарами.

Установив и нарядив совместными усилиями колючий символ праздника, мы достали из духовки горячее и принялись провожать Старый год. Наташа, конечно, пила только сок, к чему Андрей отнесся с пониманием. Видимо, намечающийся животик моей «племянницы» он уже успел заметить. И вот за полчаса до полуночи раздался ещё один звонок в дверь. Решив, что нас решили поздравить мои соседи, я, ничего не спросив, повернула ключ в замке и... столкнулась лицом к лицу со Стасом, державшим в руках букет красных роз и бутылку дорогого шампанского.

– С Новым годом, Верунь! – задумчиво произнес он и потянулся целоваться. От такого беспардонного поведения у меня аж дух перехватило: я молчала, чувствуя, как с моего припудренного лица сползает улыбка. Глупее положения просто невозможно придумать. У меня на языке вертелись выражения от «Я тебя не ждала» до «Пошел вон, сволочь!» (с соответствующими эпитетами). Но я продолжала молчать, а Стас – смотреть на меня, протягивая цветы и обворожительно улыбаясь.

– Вер, у тебя там всё в порядке? – возник за моей спиной Андрей. Я радостно выдохнула и наконец-то нашла нужные слова:

– Да. Тут молодой человек пришел к девушке, только адресом ошибся.

– Понятно, – процедил сквозь зубы Стас, развернулся и пошел к лестнице. Я не чувствовала себя отомщённой (мстить мне никому не хотелось), просто мне было приятно, что всё так обернулось. Я была уверена, что сделала правильно.

Андрей, конечно, понял, что случилось что-то неладное, но тактично промолчал и «поверил» в мою версию с неудачливым молодым человеком. Мы вернулись в комнату, и только сейчас, увидев Наташу, я подумала: «Про неё-то я и забыла. А вдруг она захотела бы увидеть Стаса, рассказать ему о ребёнке?» Но Наташа посмотрела на меня своими потрясающе яркими голубыми глазами, и я поняла, что ей хорошо и так. Уютно и спокойно. И малышу так лучше. Надо было сбросить с себя всю тяжесть старого года (не сказать, чтобы он был лёгок) и с уверенностью встретить новый, тем более что полночь приближалась неумолимо.

Куранты-шампанское-крики «Ура!» и ощущение чуда в качестве послевкусия. И дело не просто в празднике, который полон волшебства. Андрей меня поцеловал с последним ударом курантов! Это был наш первый поцелуй. Да-да, мы добрались пока только до первого поцелуя. И он был невероятно нежен, по-хорошему бесконечен и сладок – с легкой горчинкой от того, что случился не десять лет назад, а только теперь. Зато это была настоящая новогодняя сказка. Кажется, Новый год возвращал давно потерянные позиции моего любимого праздника...

Наташа скоро извинилась и ушла спать. Мы перебрались на кухню, захватив только по фужеру шампанского.

– Ну я и даю! А подарки?! – спохватился Андрей.

– Ой, точно! – откликнулась я. Действительно, за хлопотами с ёлкой, с незванным гостем, с провожанием старого года мы совершенно забыли о подарках.

– Наташу я порадуя утром, – сказал мой собеседник, надевая красную шапку, бороду и превращаясь в Деда Мороза, – а тебе, девочка Верочка, вручу подарочек сейчас. Только давай стихотворение рассказывай.

– На стул вставать не обязательно? – уточнила я и выдала что-то новогодне-снежно-ёлочное из раннего детства.

«Дед Мороз» мое выступление одобрил и вынул объёмный блестящий сверток... из тумбочки. То-то я не заметила, что он принес что-то кроме ёлки и украшений. Значит, припрятал подарок заранее (не без Наташиной помощи, я уверена: может быть, пришел утром, пока я

бегала по магазинам?). Я извлекала подарок не торопясь, заметив, что в оберточную бумагу Андрей укутал его сам (мужские руки всё-таки не для такой работы созданы, и обилие скотча подтверждало мои догадки). Наконец подарок показался во всей красе – это был мягкий и невероятно тонкий, но, чувствовалось, тёплый плед. Изумрудно-зелёный.

– Когда тебя не будет рядом, – добавила я и поцеловала своего «Деда Мороза». Синтетическая борода мешала невероятно, но меня такое препятствие не остановило. А потом мы рассмеялись, и казалось, что этот смех роднит нас, делает ещё ближе.

– В зелёном ты особенно прекрасна, – произнес Андрей. – Надеюсь, он будет согревать тебя холодными зимними вечерами.

– А теперь мой подарок, – переведя дух, напомнила я и пошла в свою комнату за пакетом. Там я остановилась на минуту перед зеркалом, невольно вслушиваясь в канонаду за окном. Происходящее казалось новогодней сказкой. Из зазеркального пространства на меня смотрела красивая и, несомненно, счастливая женщина. Неужели надо было дожить до 32 лет и потерять всякую надежду, чтобы понять, что *мой* мужчина пять лет был совсем неподалеку, безнадежно влюбленный и несчастный от моего невнимания?

Когда я вернулась на кухню, Андрей ставил на стол вазочку с конфетами и открывал новую бутылку шампанского.

– Я тут подумал, что ночь ещё длинная, а шампанское сильно ударяет в голову, – улыбнулся Андрей.

– Давай-ка, мальчик Андрюша, стихотворение рассказывай. Костюма Снегурочки у меня нет, но подарок, тем не менее, ещё нужно заслужить!

И он рассказал – не детсадовское, не школьное и вообще не обычное стихотворение. Оно было его собственное, и я определила это сразу по волнению автора, неловкости и небольшой дрожи в голосе. Я знала, что такое – читать вслух свои стихи. Это как отдавать на чужой суд своего ребёнка. Когда-то давно я тоже писала стихи, но даже Динка их не видела – это было слишком личное. А вот Андрей написал стихотворение мне и решился прочесть его лично, не довольствуясь электронной почтой.

Когда отзвучала последняя строка, я обняла Андрея и прижалась к нему. «Мне очень понравилось!» – хотела сказать я, и в глазах у меня стояли слезы. Господи, неужели так бывает на самом деле...

– Ну как, заслужил я подарок? – первым очнулся он, сделав вид, что не заметил моего состояния. Мы не сказали друг другу того, что чувствовали, но нам все было понятно и без слов. «Вера, не торопись. Только не торопись!» – уговаривала я себя, потому что с Андреем мне хотелось перейти все границы откровенности. А делать этого вот так вот сразу ни в коем случае нельзя.

– Заслужил, – сказала наконец я и вынула из подарочного пакета шарф, собственноручно связанный для *моего* мужчины в рекордно короткие сроки. Это был своего рода подвиг, ведь вязала я в последний раз в школе. Мне хотелось вложить в подарок всю душу, и пусть шарф вышел простоватым (самая обычная крупная вязка, однотонный), но содержал в себе столько любви (самое время в этом признаться хотя бы самой себе), что должен был согреть своего обладателя в любой мороз.

– Как ты угадала? Мне как раз теплого шарфа и не хватало, – воскликнул Андрей и предложил выпить за это шампанского.

Мы сидели на кухне до утра, говоря о всяких пустяках, а чаще – просто молча. Ближе к рассвету, когда я начала замерзать, Андрей обнял меня, мы укутались зеленым пледом. Так и сидели, боясь шевельнуться и спугнуть прикорнувшее возле нас счастье. Это был лучший Новый год в моей жизни, это точно.

Глава 8. Не все коту Масленица...

Новогодние праздники лениво тянулись, оставляя послевкусие праздничных салатов и ощущение передозировки старыми добрыми фильмами. Андрей несколько дней дежурил на работе, потом поехал навестить родителей, а Динка ещё не вернулась в город. Мне надоело даже читать (что со мной случается крайне редко). Наташа целыми днями сидела перед телевизором, уютно, по-кошачьи, устроившись на диване. И вот однажды, уже на исходе праздников, меня осенило:

– Наташ, а что же ты к сессии не готовишься?

Моя «племянница» промолчала, потом попыталась заговорить о чем-то другом, и тут я почувствовала что-то неладное. Вспомнилось, что незадолго до Нового года слышала краем уха, как один из наших стажеров говорил другому: «Слушай, а Наташка точно с нами на филфаке учится? Работа работой, но я её вообще в универе ни разу не видел». Я тогда ещё посмеялась про себя: мол, студенты не только преподавателей не знают, но и своих «сомучеников». Но у них-то сессия вовсю идет уже, а моя Наташа преспокойно сидит дома и смотрит мультфильмы...

– Ты что, не учишься?! – осенило меня.

Наташа смотрела на меня глазами побитого щенка и что-то лопотала. Из того, что я смогла разобрать, выяснилось, что она из-за всего с ней произошедшего совершенно забросила учебу и даже не надеется сдать сессию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.